

Семенова Екатерина Юрьевна

**РОЛЬ ПАРТИЙ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ И СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В
ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В статье проанализированы методы и средства влияния политических партий кадетов и эсеров на городское население Поволжья в годы Первой мировой войны. Выявлено, что оно было несущественным, не отражалось на мировоззрении горожан, ряд антиправительственных идей, выдвигаемых политическими партиями, совпадали с идеями, оформившимися у городского общества под влиянием социально-экономической ситуации в стране.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/42.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 150-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 947(470.4)''1914/1918''

В статье проанализированы методы и средства влияния политических партий кадетов и эсеров на городское население Поволжья в годы Первой мировой войны. Выявлено, что оно было несущественным, не отражалось на мировоззрении горожан, ряд антиправительственных идей, выдвигаемых политическими партиями, совпадали с идеями, сформировавшимися у городского общества под влиянием социально-экономической ситуации в стране.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; политические партии; мировоззрение; городское население; Поволжье.

Екатерина Юрьевна Семенова, к.и.н., доцент
Кафедра социологии, политологии и истории Отечества
Самарский государственный технический университет
dashka129k@yandex.ru

РОЛЬ ПАРТИЙ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ И СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ©

Деятельность политических партий в регионах России к началу Первой мировой войны находилась под наблюдением губернских жандармских управлений (ГЖУ). Циркулярами МВД (Департамента полиции) ГЖУ предписывалось осуществлять контроль за партиями и партийными деятелями, лицами, вызывающими подозрение в сотрудничестве с партийцами (например, циркуляр от 20 января 1914 г. № 165878 о предоставлении обзоров о деятельности революционных организаций в подконтрольных районах и ведении розыскной деятельности) [9, д. 270, л. 1]. В условиях военного конфликта работа политических партий была взята под особый контроль, поскольку дестабилизация внутривнутриполитической ситуации могла привести Россию к негативным итогам в ходе участия в войне. Он распространялся как на радикальные [6, д. 428, л. 170; 13, д. 165, л. 4], так и на либеральные [8, д. 1304, л. 80; 26, д. 2125, л. 18-18 об.] и даже правые [8, д. 1298, л. 13] политические партии.

В статье рассматривается влияние на горожан Поволжья кадетов и эсеров, партий, которые в годы войны осуществляли преимущественно легальную деятельность, имели представителей в составе Государственной Думы, свободно посещавших поволжские города, пытались наладить взаимодействие в партийной работе между городами Поволжья на основе организации съездов, не были ориентированы на пропаганду преимущественно в рабочей среде, их участники взаимодействовали между собой, работая в различных общественных учреждениях.

Либеральная конституционно-демократическая партия в годы Первой мировой войны на территории городов Поволжья была представлена неодинаково. В Самарской губернии центром ее работы являлся губернский город, а в состав «губернского комитета» активистов входило член Государственной Думы Н. А. Гладыш, присяжный поверенный А. Г. Елшин, помощник присяжного поверенного А. П. Кравченко, заведующий редакцией газеты «Волжское слово» В. А. Кудрявцев, князь В. А. Кугушев, бывший член 1-й Государственной Думы А. Букейханов и другие [26, д. 1877, л. 75, д. 2125, л. 9-9 об.]. Активной работы в течение первого года войны со стороны кадетов не наблюдалось. Начальник Самарского ГЖУ в донесении № 17832 от 20 октября 1915 г. в ответ на запрос Департамента полиции сообщал, что «с ноября 1914 года и до настоящего времени... не было представляемо никаких сведений по Конституционно-демократической партии за отсутствием указания агентуры на какую-либо работу лиц означенной партии», и далее отметил: «Большинство лиц, примыкающих по своим убеждениям к названной партии, заняты специально работой в различных городских и земских союзах и комитетах, открытых в связи с войной для оказания помощи раненым, пострадавшим на войне, семьям запасных и т.п.» [Там же].

Методы и средства, которые использовали кадеты, объективно содействовали влиянию партии на ограниченное количество городских обывателей, или выдвинутые с их помощью идеи уже «вызрели» внутри широких слоев общества, под влиянием неблагоприятной социально-экономической ситуации без вмешательства кадетов. Так, 20-24 июня 1915 г. в Самаре под председательством городского головы С. Е. Пермякова проходил областной съезд по борьбе с дороговизной. На нем была принята предложенная В. А. Кугушевым резолюция с призывом к немедленному созыву Государственной Думы и передаче власти в руки ответственного министерства [Там же, д. 2065а, л. 651-652]. Идея, предложенная кадетом, была актуальна для горожан и воспринята как альтернативная возможность ликвидации проблемы обеспечения, а принятые к Кугушеву меры по его высылке рассматривались как не соответствующие деянию [Там же, д. 2036, л. 69-69 об.]. Осенью 1915 г. представители кадетской группы принимали участие в собраниях, проводившихся по типу политических салонов на квартире неонародника И. А. Цодикова, где встречались с депутатами Государственной Думы и слушали их выступления [Там же, д. 2125, л. 12-14]. Самарские кадеты придерживались общепартийных установок. В начале 1917 г., согласно данным агентуры «Приезжий», отраженным в рапорте начальника Самарского ГЖУ № 1896 от 2 февраля 1917 г. Директору Департамента полиции, самарские

кадеты (секретарь губернской земской управы А. К. Клафтон, бывший член Государственного Совета по выборам князь В. А. Кугушев, сотрудник кадетской газеты «Волжский день» В. А. Кудрявцев) полагали, что роспуск 4-й Государственной Думы вызовет революцию, ее перевыборы повлекут увеличение в Думе количества левых депутатов, высказывались за уход с поста министра внутренних дел Протопопова, в силу партийной дисциплины собирались ждать указаний сверху, не предпринимая самостоятельных действий [Там же, д. 2364, л. 3-3 об.].

Саратовский губернский комитет партии народной свободы располагался в губернском городе, его бюро находилось в квартире присяжного поверенного Токарского (Соляная улица, 21). В годы войны саратовских кадетов посещали кадеты-думцы [Там же, д. 2125, л. 3 об.].

В Симбирской губернии в военный период организованной кадетской партии не существовало, отдельные деятели в Сызрани и Симбирске, придерживающиеся кадетских идей, занимались общественной работой в благотворительных и городских учреждениях [8, д. 1325, л. 1-3]. В рапорте от 17 декабря 1915 г. начальник Симбирского ГЖУ отмечал, что «в районе организованной Кадетской партии нет, а есть отдельные лица, исповедующие догматы данной партии», и, сообщая, что за их деятельностью ведется наблюдение, указывал: «Лица эти ввиду меньшинства и несорганизованности особого влияния, в настоящее время, на общество и общественные организации, возникшие с объявлением войны, не оказывают, хотя и были выпады со стороны некоторых членов этой партии, как например стремление поддержать резолюцию Московской Городской Думы об ответственности Министров, но пока больше ни в чем другом себя не проявляли» [Там же, д. 1304, л. 97]. Аналогичная характеристика содержалась в обзоре общественно-политической жизни Симбирской губернии, составленном местным губернатором 10 сентября 1916 г.: «Кадетская партия: существовавшая ранее в самом Симбирске в некоторых уездных городах, кадетская партия, как таковая теперь не существует» [7, д. 1495, л. 1-13].

В губернском городе Костромской губернии к кадетской группе, как отмечал представитель ГЖУ, «принадлежала полностью губернская земская управа, отчасти городская управа и почти поголовно вся трудовая интеллигенция Костромы и многие правительственные чиновники», а ее лидером являлся присяжный поверенный Н. А. Огородников [10, с. 14].

В Ярославской губернии кадеты занимались общественной работой, выступали в различных обществах и организациях. Так, 21 ноября 1914 г. рыбинский присяжный поверенный А. И. Штейнберг выступил с критической в адрес правительства речью в зале Ярославской городской управы, 23 ноября «оппозиционную» речь на заседании Ярославского юридического общества произнес публицист Н. П. Дружинин [27, с. 190].

Представители кадетских групп и сторонников партии поволжских городов встречались на съездах, обсуждали вопросы о взаимодействии. 20-21 октября 1915 г. в Самаре в помещении газеты «Волжский день» в составе 26 человек состоялось совещание представителей партии [24, д. 533, л. 16-17]. От Самары присутствовали Н. А. Гладыш, А. Г. Елшин, В. А. Кудрявцев, издатель газеты «Волжский день» С. А. Елачич, В. А. Кугушев, А. Букейханов, редактор газеты «Волжское слово» В. В. Ветров, от Симбирской губернии – 6 человек (в том числе врачи Яковлев и Сахаров, домовладелец Бакауниин), от Саратовской – 4 (в том числе присяжный поверенный Малиновский, Архангельский, Коган). На совещании была выработана резолюция, включавшая положения: «1. Способствовать всеми силами победе. 2. Войти в блок с меньшевиками С.-Д. в борьбе с бюрократизмом. 3. Требовать ответственного министерства. 4. Вести борьбу с бюрократической властью на всех шагах» [Там же]. Газету «Волжский день» было решено считать органом кадетской партии по всему Поволжью [8, д. 1285, л. 35-36; 26, д. 2125, л. 20-21; д. 2127, л. 19-19 об.]. В ней 24 октября 1915 г. в № 114 вышла заметка «Областное совещание партии народной свободы», в которой читающей публике сообщалось о состоявшемся в Самаре совещании кадетов, отмечалось, что главными вопросами были «выяснение позиции фракции при внесении прогрессистами предложения об ответственном министерстве и отношении к прогрессивному блоку», что совещание признало уклонение фракции кадетов от предложения прогрессистов тактической ошибкой [26, д. 2125, л. 10]. Информация о проведенном съезде появилась и в газете «Русское слово» за 27 октября 1915 г. [Там же, л. 15]. Судя по тому, что начальники Симбирского и Саратовского ГЖУ в ноябрьских рапортах Директору Департамента полиции опровергали сведения о присутствии представителей подведомственных территорий на съезде [Там же, л. 28-28 об.], можно сделать вывод об отсутствии влияния «делегатов» на местное общество.

Деятельность кадетов в городах Поволжья была локализована в нескольких центрах, активная агитация отсутствовала, но транслируемые идеи были популярны. Это отметил начальник Донского областного жандармского управления в секретном сообщении от 11 февраля 1916 г. самарскому коллеге: «Во вверенном мне управлении получены агентурные сведения, что кадетское настроение в поволжских городах принимает ярко-оппозиционный характер, – дворяне, общественные деятели, городские самоуправленцы и вообще все примыкающие к кадетам организуются на требования амнистии и непременно и скорейшем введении реформ, требуя продолжительной сессии Государственной Думы» [Там же, д. 2207, л. 67-67 об.].

Полагаем, что данные настроения формировались у широких слоев общества не столько под воздействием деятельности кадетов, сколько под влиянием объективных социально-экономических проблем, с которыми власть, прежде всего в крупных центрах Поволжья, не справлялась. Настроения общества согласовывались с идеями кадетов в вопросе об участии народного представительства во власти и разрешении посредством него обострившихся проблем. Учитывая, что кадеты являлись в ряде центров известными в городе людьми, активно занимались общественной деятельностью, занимали должности, которые представляли их на виду у горожан,

закономерными для них были возможности проведения встреч-бесед в салонах (на квартирах), выражения идей на различных совещаниях. Данное влияние распространялось преимущественно на «интеллигентную» публику, представителей тех слоев горожан, которые на подобных собраниях могли присутствовать.

Одной из наиболее активных радикальных партий по деятельности, ориентированной на широкие слои общества, в городах Поволжья в Первую мировую войну являлась партия эсеров. Работа активистов концентрировалась в губернских городах, на территории которых партия была представлена партийными группами или отдельными деятелями. Известные как эсеры или сторонники социал-революционных идей лица находились под наблюдением местных структур ГЖУ. Их круг был немногочисленным. Так, в Ярославле в июле 1914 г. в составе партийной группы, по данным местного ГЖУ, значилось 13 человек, в основном служащие губернской земской управы [9, д. 270, л. 2-3, 5-7]. В ноябре 1914 г. – ноябре 1915 г. «под флагом» Студенческого комитета Ярославского Демидовского юридического лицея по оказанию помощи пострадавшим от войны работала эсеровская «Студенческая группа», не имевшая успеха среди студентов [Там же, л. 15]. В августе 1915 г. в Ярославле образовалась эсеровская группа «левонародников» в составе 6-10 фабрично-заводских рабочих и «полуинтеллигентов» [Там же, л. 17-18]. К марту 1916 г. в принадлежности к партии эсеров по Ярославлю подозревались 8 человек, не представлявших сплоченной ячейки, не проявляющих активной деятельности, а в уездном городе Рыбинске Ярославской губернии состояли под наблюдением четверо «старых партийцев», не проявлявших активности [Там же, л. 22-23].

По Нижнему Новгороду наблюдение по партии эсеров осуществлялось в августе 1914 г. за 7 лицами, в декабре 1914 г. – 5, в январе 1916 г. – 14, в марте 1916 г. – 5, ноябре 1916 г. – 3; деятельность партийцев проявлялась в Сормово и Нижнем Новгороде в распространении нескольких листовок и попытках осуществления кружковой работы [25, д. 506, л. 18-337, д. 561, л. 1-141].

В Казанской губернии, по отчетам ГЖУ, эсеры в годы войны (при имперском правительстве) проявили себя только в апреле, сентябре, октябре 1915 г. и марте 1916 г. (несколько студентов Казанского университета стремились создать кружок, затем образовали «коалиционный комитет», выпустили несколько прокламаций с критикой войны и прорицанием революции) [12, д. 1020, л. 1, 6, 14, 25, 27, 38, 40, 45, 51, 61, 68, 74, д. 1105, л. 1, 11, 20, 32, 34, 36, 38, 42, 43, д. 1158, л. 1].

В Самарской губернии к началу 1914 г. эсеры сосредоточились в губернском центре, не имели комитета, боевой организации, материально-технической базы [26, д. 1875, л. 16-22]. По наблюдению в принадлежности к партийной деятельности в сентябре 1914 г. проходили 12 человек, в ноябре 1914 г. – 7, октябре 1915 г. – 9, марте 1916 г. – 17, ноябре 1916 г. – 5 [Там же, д. 1875, л. 115-118; 148-153, 159, 161, 173-175, д. 2026, л. 36-39, 45-47, 76-79, д. 2207, л. 57-60, 86-88, 117-122, 130-133, 228-229]. Самарские эсеры среди пролетариата работу не вели из-за «боязни рабочих идти в кружки дабы впоследствии не быть уволенным с заводов, изготавливающих снаряжение и не попасть бы на войну», также в связи с деятельностью меньшевиков, ведущих кампанию по избранию от рабочих представителей в Военно-промышленный комитет, к которым рабочие шли «более охотно» [Там же, д. 2206, л. 1-1 об., д. 2207, л. 41-43 об.]. Неонародники посещали собрания по выборам рабочих в Военно-промышленный комитет (20 января 1916 г. в обществе печатников), но в дебатах не участвовали [Там же, д. 2206, л. 4]. Они вели кружковую работу среди булочников и рабочих разных предприятий [Там же, д. 2206, л. 10], а в конце марта 1916 г. в Самару прибыли три партийца из Тулы, которые устроились работать на заводы Е. П. Зиминой, И. И. Афанасьевой, вели работу по объединению двух расколотых групп [Там же, д. 2206, л. 12]. Как только деятельность эсеров стала активизироваться, группа была «ликвидирована» самарским ГЖУ в апреле 1916 г. [Там же, д. 2207, л. 67 об.].

В Симбирской губернии к июлю 1914 г. деятельность эсеров проявлялась в Симбирске и Сызрани, по наблюдению ГЖУ в Симбирске проходили 1-2 человека. Согласно отчетам по партии эсеров за июль-сентябрь 1914 г., комитетов партии в губернии не было, а имелись лишь отдельные лица (Н. И. Сахаров, А. А. Знаменская, Д. Е. Синявский), активной деятельности, боевых групп, типографий не было [8, д. 1224, л. 1-28]. В марте 1916 г. в Симбирске наблюдение осуществлялось только за 1 активистом – «Сократом» (Н. И. Сахаров), и получается, что филеров было больше (4 человека), чем активистов-партийцев. В январе 1917 г. по сводке наблюдений за эсерами в Симбирске проходили двое – В. И. Алмазов («Базарный») и Е. Я. Сониной («Гейша»). В других городах губернии (кроме Сызрани) состав всех активистов «левого», «народнического» и «прогрессистского» направлений включал в конце 1915 г. в Алатыре – около 25 человек, в Ардатове – 1, в Курмыше – 8, а в Сызрани – 8 человек «левого направления» [Там же, д. 1298, л. 5-7, 9-10, 12-12 об., д. 1340, л. 2 об., д. 1402, л. 1-5].

В астраханском ГЖУ в июле 1916 г. стало известно о формирующемся в Астрахани коллективе эсеров, стремящемся установить связи с эсерами городов Поволжья в целях созыва областного съезда. Сведений о подготовке к съезду ГЖУ выявить не удалось. В октябре начальник астраханского ГЖУ отмечал: «Революционные местные организации никакой деятельности не проявляют в данное время, и работников не имеется» [6, д. 428, л. 166, 170, д. 459, л. 190].

Пытаясь оказать влияние на местное общество, придерживающееся социал-революционных идей лица устранились работать в общественные структуры. Так, самарец И. А. Цодиков к октябрю 1914 г. состоял членом правления общества народного здоровья, взявшего на себя заботу о семьях воинов [26, д. 1875, л. 112]. В августе 1915 г. в Ярославле образовалась эсеровская группа «под вывеской» потребительского общества «Надежда» [9, д. 270, л. 17-18]. В Костроме разделяющие идеи партии эсеров «немногие лица», не сплоченные в организацию, входили в состав «Центрального сельско-хозяйственного общества», не проявляя «чисто

партийной деятельности» [10, с. 16]. В Астрахани в августе 1916 г. группа эсеров решила вести агитацию посредством кооперативного общества [11, с. 108]. Такая ситуация была неслучайной. По мнению представителей местной власти, земские, иные общественные учреждения и организации являлись «рассадником» оппозиционных настроений [25, д. 554, л. 24], а объективно они включали деятелей, отстаивающих интересы общества, во многом расходящиеся с позицией правительства, что особенно проявилось в условиях войны.

Небольшое влияние оказывали на общество публикации прокламаций и периодики, проходящей контроль цензуры. Прокламации были представлены незначительным количеством экземпляров. Так, в Самаре в ноябре 1914 г. были напечатаны в «небольшом количестве» резолюция самарского коллектива, прокламация «Товарищи» с призывом к революционной работе. 24 августа 1916 г. из почтовых ящиков были вынуты 5 экземпляров воззваний «В борьбе обрешь ты право свое» без даты и за подписью «Партия социалистов-революционеров», оканчивающихся фразой «Да здравствует социализм» [12, д. 1110, л. 23]. Все экземпляры воззвания были брошены в ящики, находящиеся рядом, на основе чего полиция и ГЖУ пришли к выводу, что они были подброшены кем-то приезжим [26, д. 2272, л. 1, 5, 22]. При расследовании возникло несколько версий. По данным агента Самарского ГЖУ «Кудрявый», воззвание было выпущено по личной инициативе самарским мещанином А. В. Предтеченским перед его арестом, в обход решения других членов группы, подготовлено задолго до ареста самарской группы эсеров, состоявшегося 10 апреля 1916 г. [Там же, л. 12]. Согласно данным начальника Ярославского ГЖУ (рапорт от 16 сентября 1916 г.), его мог подбросить кто-то из товарищей эсерки М. С. Миклухи, находящейся в самарской тюрьме, которая должна была освободиться 10 октября 1916 г., имела связи в Москве, Петрограде, ее выхода революционная общественность ожидала с интересом [Там же, л. 19].

В Нижнем Новгороде осенью 1915 г. местными эсерами было принято решение об издании газеты. Хотя прибывший делегат В. Зензинов предложил передать имеющиеся средства в Москву, местные деятели отстаивали мнение о необходимости учреждения собственной газеты [25, д. 554, л. 11]. В 1916 г. Ф. Я. Анисимов получил разрешение издавать общественно-литературную и политическую газету «Нижегородская мысль». К участию в ней были привлечены земские и кооперативные работники. Однако до конца 1916 г. газета не вышла [Там же, д. 554, л. 12]. Прокламация «В борьбе обрешь ты право свое» на территории Нижегородской губернии была обнаружена в конце декабря 1916 г. в Сормово и Нижнем Новгороде. 28 декабря на стене угольного склада старо-механического цеха Сормовских заводов был найден один экземпляр, а утром 29 декабря – «валяющийся» на территории завода второй. Прокламацию в Сормово, как считали в ГЖУ, либо привез из Нижнего Новгорода служащий расчетного стола конторы И. Д. Иванов, проживающий в Канавине (окраина Нижнего Новгорода), либо распространял рабочий ново-снарядного цеха П. Е. Охотников [Там же, д. 529, л. 68]. В Нижнем Новгороде 29 декабря были найдены два экземпляра прокламации: один наклеен на окно городской управы, а второй – в Канавине [Там же, д. 568, л. 338-342].

В Симбирской губернии прокламация социалистов-революционеров «В борьбе обрешь ты право свое» была обнаружена еще в начале ноября 1915 г. на территории ряда сел [Там же, д. 529, л. 57, 64]. В Казанской губернии к январю 1916 г. случаев распространения данной прокламации не было зафиксировано [12, д. 1024, л. 19].

Определенное влияние на деятельность эсеров в городах Поволжья оказывали приезжающие из других центров партийцы. Так, в Казани в сентябре 1914 г. был выявлен случай пропаганды «неизвестным булочником» среди рабочих поволжских хлебопекарен. Сотрудники казанского ГЖУ обнаружили, что в Казани он поступил на службу в булочную Желонкина в 20-х числах сентября, «стал расспрашивать товарищей о их жизни, постановке дела, есть ли союз булочников», упрекал, «что нет организации», говоря «плохие вы работники, если не можете организовать сотни рабочих... мы сумели организовать 80 тысяч в Питере и провели забастовку»; указывали, что с его слов видно, «что он был в Самаре, где также интересовался, существует ли союз булочников», в Казани «он собирался остаться неделю, а затем выехал вверх по Волге до Рыбинска» [25, д. 508, л. 93]. 30 августа 1914 г. его видели в Нижнем Новгороде (работал в пекарне Плотникова с 25 по 29 августа) [Там же, л. 94, 98]. Проживающая в годы войны в Нижнем Новгороде народница В. Н. Фигнер в мае 1915 г. посещала Тетюши Казанской губернии, побывала в различных благотворительных учреждениях [Там же, д. 528, л. 86, 118].

В Самаре в начале июля 1914 г. появился делегат из Саратова с целью выяснить, будет ли от Самары послан делегат на международный конгресс в Вену, привез издания «Знамя труда» и «Стойкая мысль». Местные эсеры ночью 1 июля за Волгой слушали доклад о задачах конгресса, обсуждали возможность предварения конгресса поволжской конференцией эсеров [26, д. 1875, л. 86-86 об.]. В конце апреля 1916 г. в Самару прибыли две эсерки из Киева, устроились в профессиональное общество «Игла», пытались войти в секцию Народного университета и оказывать влияние на лекторов [Там же, д. 2206, л. 13].

В ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде появился в сопровождении студента прибывший из Москвы эсер врач Д. Н. Жбанков. У врача Либина при участии В. Н. Фигнер с ним обсуждались вопросы о возобновлении работы партии, о возможности пропаганды среди войск. В беседе отмечалось, что окончание войны будет связано с поражением России, после чего эсерам следует приступить «к действиям по свержению правительства». Затем Д. Н. Жбанков отправился в Ярославль [25, д. 528, л. 177-178].

В Астрахань из Самары в августе 1914 г. приезжал делегат от партии эсеров «Александр» с поручением объединить астраханских эсеров с членами этой партии в других городах Поволжья для образования «Поволжского Союза партий социалистов-революционеров» [26, д. 1875, л. 94].

Эсеры поволжских городов пытались осуществить совместную деятельность в ходе организации съездов с представительством партийцев из крупных центров Поволжья. Попытки организации съезда показывают,

что партийная «общественность» была малочисленна, разобщена, следствием чего стало ее ограниченное влияние на городской социум. В начале войны (июль-август 1914 г.) поволжские эсеры пытались собрать съезд в Симбирске [8, д. 1224, л. 18], осенью планировали его в Саратове [Там же, д. 1216, л. 43, 49].

В июле 1915 г. в Петрограде прошел съезд эсеров, народных социалистов и трудовиков под руководством А. Ф. Керенского. Присутствующий на нем представитель от самарских эсеров получил задание составить областной комитет при представительстве, в том числе Самарской, Симбирской, Казанской поволжских губерний, открыть в Самаре легальную газету [26, д. 2025, л. 4-5]. Для подготовки съезда в поволжские города были направлены делегаты, их появление было обнаружено в Астрахани, Саратове, информацию о предстоящем в 20-х числах октября съезде получили нижегородские эсеры [Там же, д. 2026, л. 19, 48]. Работа эсеров по подготовке съезда находилась под контролем ГЖУ [25, д. 533, л. 21; 26, д. 2026, л. 24, 25, 34-35]. В октябре 1915 г. в ходе реализации поручений петроградского съезда в Самаре была осуществлена попытка проведения поволжской конференции эсеров. Однако съезд не состоялся, поскольку прибыли только два представителя – от Астрахани и от Сормово, промышленного центра Нижегородской губернии, не имеющего статуса города [24, д. 979, л. 36; 25, д. 533, л. 28; 26, д. 2026, л. 30, 73].

Несмотря на попытки эсеров вести работу в ряде городов Поволжья на основе образования партийных групп, издания листовок и газет, внедрения в общественные организации, она не привела к распространению среди горожан идей партии. Круг деятелей в городах был ограничен, в рамках легальной работы активной пропаганды не велось, а нелегальная работа была эпизодической, касалась в основном самих участников движения.

Влияние либеральной партии кадетов и радикальной партии эсеров на городского обывателя в Поволжье не было значимым. Оппозиционные по отношению к правительству местные группы кадетов и эсеров осуществляли деятельность преимущественно в губернских городах. Она проявлялась в участии в обществах, через которые партийцы пытались найти контакты с местным населением, издании легальных газет и нелегальных листовок, выступлениях депутатов Государственной Думы – партийцев в общественных заведениях или в узком кругу приглашенных на встречу лиц. Представители местных партийных групп находились под контролем ГЖУ, при активной работе арестовывались и высылались за пределы города, губернии. При этом понятие «местные» группы следует рассматривать как условное для определения состава эсеров, который после арестов 1914 – начала 1915 гг. пополнили партийцы, прибывшие из других центров страны.

События февраля 1917 г. изменили политическую ситуацию в стране. Политические партии активизировали работу. Но их влияние на городского обывателя, несмотря на предоставленные свободы, во многих городах было незначительным, а политические пристрастия горожан противоречивы.

«Интерес» к деятельности партий со стороны горожан показывают результаты формирования состава городских партийных комитетов и осуществляемых партиями акций. Например, в уездном городе Казанской губернии Ядрине 22 мая 1917 г. была создана ядринская ячейка эсеровской партии. На собрании 18 июня в нее записались всего 9 человек [21, с. 4]. О проведении в Сызрани Симбирской губернии собрания неонароднической партии в местной газете в сентябре 1917 г. сообщалось: «21 сентября состоялось общее собрание трудовой народ.-соц. партии. Как и полагается в Сызрани публики собралось не густо: три с небольшим десятка» [23, с. 3].

Статистические данные результатов выборов в состав городских дум и Учредительное собрание демонстрируют абсентизм избирателей, размывание предпочтений электората между разными политическими партиями и непартийными блоками. Так, на выборах гласных Городской думы Астрахани в январе 1917 г. отмечалась низкая явка избирателей: по 1-му участку пришли из 281 избирателя всего 37 (13,2%), по 2-му указывалось, что «от колоса до колоса не слышно человеческого голоса», по 3-му – из 686 избирателей всего 67 (9,8%), по 4-му и 5-му соответственно 65 и 100 избирателей, по 6-му – из 546 только 60 (11%) [2, с. 2-3]. На выборах в городскую думу г. Юрьевца Костромской губернии в мае 1917 г. были представлены списки 11 групп, причем большинство беспартийных: группа домовладельцев, группа квартирнанимателей, союз учителей, союз служащих в правительственных и общественных учреждениях, союз земских служащих, союз служащих и рабочих в городских учреждениях, союз духовенства, торгово-промышленная партия, группа мещан, рабочая группа, руководимая партией социал-демократов, и группа примыкающих к партии социалистов-революционеров [14, с. 2]. В июльском номере нижегородской газеты в заметке «Выборы гласных», характеризуя деятельность политических партий в городе, автор с печалью сообщал: «Как известно, через несколько дней должны быть проведены у нас выборы на демократических началах новых гласных в городскую думу... партия с.-р. группа трудовой партии народных социал., уже ведут за свои списки кандидатов агитацию среди горожан путем раздачи летучек. Агитации же других партий пока не наблюдается... Нужно удивляться, что политические партии так скупо проявляют деятельность по ознакомлению граждан со своими программами» [4, с. 3]. А в другом номере в статье «Выборы в думу» констатировалось, что на первом месте оказались эсеры, на втором – кадеты, и эсеры вместе с большевиками и меньшевиками, каждая по отдельности получившее меньшее количество голосов, составят в думе большинство [5, с. 2]. При этом в статье «Авгиевы конюшни революции» отмечалось, что «все честные, трудолюбивые и талантливые люди и работники провинции ушли в тень, остались не у дел, их заменили крикуны, бездельники зачастую с темным прошлым и многоугольной судимостью» [Там же].

Низкая явка избирателей наблюдалась в ряде городов Поволжья и в период выборов в Учредительное собрание. В Ярославле на избирательные участки пришли порядка 25-30% общего количества избирателей. По итогам выборов 4 637 голосов получили кадеты, 1 985 – большевики, 1 721 – социал-демократы, 1 385 – эсеры, 1 077 – торгово-промышленники, 290 – энесы, 74 – земельные собственники. На выборах в Рыбинске

6 434 голосов получила ярославская организация эсдеков-интернационалистов (большевиков), 3 623 – кадеты, 3 203 – объединенная РСДРП, 1 407 – Ярославский губсовет крестьянских депутатов и эсеры, 532 – торгово-промышленники, ремесленники и домовладельцы, 199 – энесы, 187 – союз земельных собственников, причем на участки не явились более половины избирателей [18, с. 3]. В Костромской губернии на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. приняли участие в Макарьеве около 70% избирателей, в Плесе – 62%, в Чухломе – 65% (в том числе голосов получили: кадеты – 498, большевики – 114, «духовенство и миряне» – 75, меньшевики – 46, эсеры – 41, то есть на третьем месте были представители неполитических партий) [15, с. 1-2; 16, с. 3; 17, с. 3]. В уездном городе Казанской губернии Ядрине на выборах в Учредительное собрание из 1827 избирателей голосовали 1066 человек (58,3%), а места распределились между эсерами (751 голос), кадетами (181), кооператорами (41), православным духовенством (38), большевиками (23) и по 1-2 по другим спискам [22, с. 2]. В Саратовской губернии в Царицыне на выборах в Учредительное собрание голосовали около 47% избирателей, в Саратове – 43% [20, с. 2]. В саратовской газете в разделе «Выборы в Учредительное собрание» отмечалось, что «12 ноября в Саратове и Саратов. губ. начались выборы в Учредительное Собрание. В избирательных участках установлено, что избиратели проявляют большое равнодушие к выборам», а в статье «Итог выборов в учредительное собрание», что «всего по г. Саратову 60 691 голос. По отдельным спискам голоса разделились... № 1 к.-д. – 11 971; № 2 меньшевики – 4 100; № 3 союз крестьян-украинцев и с.р. татар – 1097; № 4 русско-народная партия христиан – старообрядцев всех согласий – 1003; № 5 православно-народная партия – 1924; № 6 союз земельных собственников – 1764; № 7 организации российских граждан немецкой национальности среднего Поволжья – 1280; № 8 трудовая народно-социалистическая партия – 2920; № 9 общество за веру и порядок – 2589; № 10 большевики – 22 712; № 11 крестьяне Петровского уезда и мордовского населения Саратовской губ. – 119; № 12 соц.-революционеры – 8698» [19, с. 6-7]. В Астрахани на выборах в Учредительное собрание из 67 553 избирателей голосовали 30 438 человек (45%), за социалистов – 12 562, за не социалистов – 17 876 (из них за кадетов – 8682) [1, с. 3]. В уездном городе Астраханской губернии Енотаевске лидерами в ходе выборов стали эсеры (262 голоса), далее следовали казаки (81), мусульмане (15), кадеты (10), большевики (7), энесы (3), меньшевики (2) [3, с. 3].

Существенное расхождение в результатах выборов на территории одной губернии и между городами разных губерний Поволжья, когда в одних центрах кадеты и эсеры получали весомую поддержку избирателей, а в других либо отсутствовали в списках или набирали меньше других политических партий голосов избирателей, следует рассматривать не только как отсутствие единого восприятия политических партий в разных центрах и как результат неодинакового воздействия их представителей на обывательское сознание, а также и как следствие различий в условиях развития городов к 1917 г.

Список литературы

1. Астраханский вестник. 1917. 18 ноября.
2. Астраханский листок. 1917. 10 января.
3. Там же. 28 ноября.
4. Голос нижегородца. 1917. 1 июля.
5. Там же. 22 июля.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 286. Оп. 2.
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 7.
8. Там же. Ф. 855. Оп. 1.
9. Государственный архив Ярославской области (ГЯО). Ф. 906. Оп. 1.
10. Костромское охранное отделение. Записки жандармского офицера. Кострома: Типография бр. Лбовских, 1917. 38 с.
11. Кузнецов В. Н. Эсеры Среднего и Нижнего Поволжья в 1911 – начале 1917 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6 (32). С. 103-109.
12. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199. Оп. 1.
13. Там же. Ф. 1246. Оп. 1.
14. Новая жизнь. 1917. 27 мая.
15. Поволжский вестник. 1917. 15 ноября.
16. Там же. 16 ноября.
17. Там же. 21 ноября.
18. Рыбинец. 1917. 17 ноября.
19. Саратовская земская неделя. 1917. 21 ноября.
20. Там же. 5 декабря.
21. Сурский листок. 1917. 24 июня.
22. Там же. 30 ноября.
23. Сызранский курьер. 1917. 24 сентября.
24. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 918. Оп. 1.
25. Там же. Оп. 8.
26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1.
27. Ярославская старина: временник Яросл. губернии. арх. / под ред. В. Н. Бочкарева, А. И. Смирнова. Ярославль, 1924. 222 с.

**THE ROLE OF PARTIES OF NATIONAL FREEDOM AND SOCIALISTS-REVOLUTIONISTS
IN THE FORMATION OF THE WORLD-VIEW OF THE URBAN POPULATION
OF VOLGA REGION DURING THE FIRST WORLD WAR**

Ekaterina Yur'evna Semenova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Sociology, Political Science and Native History
Samara State Technical University
dashka129k@yandex.ru

The author analyzes the methods and means of the influence of the political parties of cadets and socialists-revolutionists on the urban population of Volga region during the First World War and reveals that it was insignificant, it wasn't reflected in townspeople's world-view and a number of anti-governmental ideas put forward by the political parties coincided with the ideas formed among urban society under the influence of the social-economic situation in the country.

Key words and phrases: First World War; political parties; world-view; urban population; Volga region.

УДК 93/94

Статья посвящена проблеме становления начального образования на Южном Урале в период с 1900 до февраля 1917 гг. Автор на основе большого фактического материала рассматривает организацию и содержание обучения, уделяя особое внимание взаимодействию участников учебного процесса.

Ключевые слова и фразы: начальная школа; учителя; учащиеся; учебные и воспитательные программы; взаимодействие учителей и учащихся.

Анна Викторовна Суворова

Кафедра социально-правовых и гуманитарных наук
Южно-Уральский государственный университет
Annsu2006@ya.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЯХ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (1900 – ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)©**

В рассматриваемый период государство приступило к формированию политики в сфере образования, начала складываться система начального образования, различных типов учебных заведений, которые и призваны были обеспечить повышение грамотности населения. К реализации этой политики подключились земства и церковь. В связи с вовлечением большинства населения в капиталистические отношения, у них возникла необходимость в умении писать, читать. Разрабатывались образовательные программы на государственном уровне, что позволило сделать процесс обучения более последовательным, системным и эффективным.

К начальным народным училищам относились школы, в первую очередь, подведомственные Министерству народного просвещения, это были приходские училища, которые содержались за счет местных обществ, частично за счет государственной казны и пожертвований от частных лиц, а также народные училища, содержавшиеся за счет Министерства народного просвещения и частных лиц. Во вторую очередь, школы духовного ведомства, т.е. церковно-приходские училища, которые открывались православным духовенством в городах и селах, с предоставлением учебных пособий за счет казны, местных обществ и частных лиц или без них. Далее следовали сельские училища, существовавшие за счет общественных сумм, и воскресные школы, содержавшиеся правительством, общественными городскими, сельскими организациями, а также частными лицами [2, с. 150]. В ведении Министерства народного просвещения находились частные школы.

Вопрос о материально-технической стороне начального образования стоял достаточно остро. Для начальных школ рассматриваемого периода идеальным помещением являлась обычная крестьянская изба [5, д. 778, л. 3]. Со временем в строительстве школ наряду с крестьянским обществом стали участвовать земство и государство, выделяя на эти цели денежные ссуды [7, с. 64]. Предназначенные для школ здания должны были отвечать определенным требованиям. Сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания содержал правила постройки школьных зданий [9, с. 52]. Место для постройки тщательно выбиралось врачом, техниками, представителями уездного и сельского обществ, а также учителями. О принятом решении сообщалось в губернскую Управу. Здание одно- или двухэтажное на каменном фундаменте строилось из камня, кирпича или дерева, крыша крылась железом или другим материалом, кроме соломы. Школа состояла из четырех комнат – класса, «раздевальни», комнаты учителя и кухни. Полы и потолки сложены из сухого леса, освещение класса производится слева, здание оштукатурено, стены без обоев. В классах обязательны печи и форточки для проветривания. Туалетная комната отделена от классной комнаты, также при школе должны быть баня, погреб, дровник и участок земли.